

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

Home / About us / Contact us

26

❖ БИОГРАФИЯ ❖ БИБЛИОГРАФИЯ ❖ КНИГИ ❖ ПЕРЕВОДЫ ❖ СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ ❖ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
❖ ИНТЕРВЬЮ ❖ РЕЦЕНЗИИ ❖ АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ❖ НОВОСТИ ❖ ФОТОГРАФИИ ❖ РАЗНОЕ ❖ ГОСТЕВАЯ
КНИГА

Отобразить меню

Искать

➤ Главная страница / Избранные статьи, доклады /

 Версия
для печати

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ХРИСТИАНСКОМ ВОСТОКЕ

Ваше Высокопреосвященство, Ваше Преосвященство, высокочтимые отцы, братья и сестры!

Вновь, как и в 1997 году, с большой радостью принял я приглашение выступить на очередной консультации богословских школ, организованной всемирным союзом православной молодежи «Синдесмос». Как и тогда, я выступаю сегодня не как человек, занимающий официальную должность, а как частное лицо, которому, впрочем, далеко не безразличны проблемы,

стоящие перед духовными школами России.

Эти проблемы я достаточно подробно осветил в своем предыдущем докладе, озаглавленном «Проблемы и задачи русской православной духовной школы» [1]. За прошедшие полтора года в мой адрес поступило немало откликов на него. Очень многие студенты заявляли, что готовы «подписать под каждым словом» этого доклада, поскольку то, о чем там говорится, полностью соответствует их собственному опыту. Некоторые руководители и преподаватели духовных школ также согласились с основным содержанием доклада. В частности, ректор Костромской духовной семинарии архимандрит Геннадий (Гоголев) в интервью газете «Русская мысль», посвященном теме богословского образования, сказал, что «с удовольствием подписался бы» под большинством тезисов доклада и что, по его мнению, «с этим докладом необходимо ознакомиться всем ректорам новых училищ и семинарий» [2].

Впрочем, были и возражения. Кто-то из студентов посчитал, что я слишком «мягко» говорю о проблемах духовных школ и что доклад надо было бы «усилить». С другой стороны, отдельные читатели доклада сочли, что я преувеличил существующие трудности, «сгустил краски». Ректор Московской духовной академии написал весьма критический отзыв на мой доклад, обвинив меня в «небеспристрастном подборе фактов» и «тенденциозных заключениях». В отзыве ректора МДА, впрочем, содержится и положительная оценка некоторых выдвинутых мною предложений:

В докладе иеромонаха Илариона, безусловно, правильно определены многие проблемы современной духовной школы. И мы совершенно согласны со многими замечаниями о. Илариона, касающимися организации учебного процесса... Нам представляются совершенно справедливыми и многие конкретные предложения и замечания по учебной программе... Доклад иеромонаха Илариона, безусловно, интересен подобными замечаниями и предложениями. Нам приятно отметить, что многие из них уже рассмотрены рабочей группой по разработке новой концепции богословского образования, представлены на утверждение Священного Синода и частично утверждены.

В докладе, прочитанном полтора года назад в Белграде, я призвал к радикальной реформе всей системы духовного образования в России.

Должен отметить, что латинский термин «реформа», может быть, не вполне адекватно выражает суть тех перемен, которые нам необходимы: этот термин предполагает изменение форм, тогда как в радикальном преобразовании нуждается само содержание учебных программ и учебного процесса.

Если говорить о реформе форм, то она, как кажется, уже началась: запланировано преобразование духовных семинарий в высшие учебные заведения, а академий — в магистратуры с трехлетним циклом обучения; предполагается существенное обогащение куррикулума духовных школ. Однако не ясно, удастся ли при помощи этих нововведений существенно поднять уровень богословской науки и смогут ли улучшенные учебные про-

граммы обеспечить устранение недостатков принципиального характера, мешающих успешному развитию духовного образования. Даже если духовные семинарии будут в одночасье объявлены высшими учебными заведениями, в них останутся те же преподаватели, те же учебные пособия, те же академические и дисциплинарные стандарты. Чем же будет обеспечен переход на иную, высшую ступень? Ответ пока, по-моему, не найден.

Успех всякой реформы во многом зависит от того, какое видение заключено в ней, какая цель преследуется ее авторами, какая «программа-максимум» стоит за предлагаемыми улучшениями. Иногда создается впечатление, что авторы реформ лишь предлагают отдельные улучшения, но еще не смогли представить новое видение системы богословского образования. При таком подходе радикальная реформа просто невозможна: возможен лишь «косметический ремонт» здания богословской науки.

Не могу не отметить и следующее. Всякая реформа в православном понимании представляет собой не столько поиск новых форм, сколько возвращение к старым, проверенным веками традициям, на которых зиждется Православие. Реформа, в которой мы нуждаемся, не предполагает изобретения чего-то принципиально нового. Напротив, нам необходимо вернуться к древнему, забытому наследию богословского образования на христианском Востоке. Как мне представляется, знаменитые школы христианского Востока являлись носителями подлинного духовного образования, и нынешнее положение дел во многом является следствием отступления от принципов, заложенных в этих школах, но вытесненных впоследствии чуждыми Православию католическими и протестантскими влияниями. Может быть, суть требуемой реформы заключается в том, чтобы как можно дальше отойти от схоластических, средневековых подходов к учебному процессу и вернуться к истинно православным традициям богословского образования.

Ни для кого не секрет, что нынешние духовные академии и семинарии по своему устройству полностью копируют латинские богословские школы Средневековья. Многие из присущих нашим духовным школам недостатков унаследованы ими от своей «праматери» — Киево-Могилянской академии, утроенной в XVII веке по образцу иезуитских школ того времени. В этой академии «весь план общего образования был снят с иезуитского образца... весь распорядок школьной жизни, все приемы и средства преподавания были те же, что и в коллегиях и академиях иностранных» [3]. Несмотря на прошедшие с тех пор три с лишним столетия, несмотря на все произведенные реформы, коренные недостатки средневековой образовательной системы до сих пор до конца не устранены и не изжиты. И устранить их можно опираясь на опыт истинно православной духовной школы — той, что существовала на христианском Востоке задолго до появления там «латинообразных» богословских школ иезуитского образца.

В настоящем докладе я хотел бы рассказать о нескольких «духовных школах» раннехристианского Востока. В рамках одного доклада невозможно дать исчерпывающий анализ всех типов богословского образования, существовавших в христианской древности. Мой доклад и не преследует подобную цель. Мне хотелось бы лишь обратить внимание на

некоторые наиболее яркие примеры духовных школ в древневосточной Церкви и вместе с вами подумать о том, что из этого наследия христианской древности мы могли бы применить сегодня, реформируя наши богословские учебные заведения.

1. Апостольская община как «духовная школа»

Начнем с апостольской общины во главе с Иисусом Христом. Эта община была первой новозаветной школой, в которой ученики усваивали Божественное Откровение из уст Самого воплотившегося Бога Слова. Именно в усвоении этого опыта и состояло прежде всего ученичество апостолов Христовых. Как утверждает св. апостол Иоанн Богослов, в сообщении ученикам этого опыта и заключается, в конечном счете, основной смысл земного служения Логоса:

И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Ин. 1:16—18).

Таким образом, воплотившийся Сын Божий «изъяснил» (именно таков буквальный смысл греческого глагола *eSjgh?sato* — «явил») людям Отца, стал первым «экзегетом» Бога. Во время Своего земного служения Христос учил апостолов и весь народ искусству быть «сынами света»^[4]. Это — та истинная цель, на достижение которой и были направлены все усилия Спасителя.

Какими средствами Христос достигал этой цели и каковы были внешние формы Его учительства? Прежде всего следует сказать о том, что Христос Сам набирал Себе учеников, причем набирал их, так сказать, без «вступительных экзаменов»:

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за Мною... И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна... и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4:18—22).

Ученики называли Иисуса «учителем» (*dida?skalow*) и «господом» (*ky?riow*), и Христос принимал это как должное: «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно делаете, ибо Я точно то» (Ин. 13:13). Задачу учеников Он определял прежде всего как подражание Ему. Умыв ноги ученикам на Тайной вечери, Христос сказал им: «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я» (Ин. 13:14—15).

Сознавая Свое учительское достоинство, Христос говорил: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его»

(Мф. 10:24—25). В то же время Он подчеркивал, что Его ученик — это не «слуга» и не «раб» своего Учителя; это скорее Его друг и «сотаинник»: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15:15). Ученичество есть не что иное, как дружба с Учителем — глубокая дружба, при которой Учитель ничего не скрывает от учеников.

Отношение Христа к ученикам отличается от Его отношения к простому народу. Народ Он учит притчами, говорит людям не все, что мог бы сказать ученикам, некоторые вещи скрывает от него. Ученикам же Он доверяет великие и сокровенные тайны Царствия Небесного:

И, приступивши, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «слухом услышите — и не уразумеете; и глазами смотреть будете — и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их». Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали (Мф. 13:10—17).

Надо отметить, что исторически апостольской общине предшествовали пророческие училища древнего Израиля, общины ессеев, общины, подобные ученикам Иоанна Крестителя. Внешне община учеников Христа имела много общего с этими общинами. На это указывает, в частности, лексика, к которой прибегают евангелисты, говоря о Христе как Учителе [5]. Некоторые моменты евангельского повествования перекликаются с тем, что мы можем встретить в талмудической литературе, где, в частности, ученикам предписывается носить сандалии своего учителя [6], помогать учителю во всякого рода затруднениях, готовить его путь [7], устраивать для него пасхальную вечерю, приводить осла и т. п. Все это мы встречаем в апостольской общине. Однако в ней нет того безоговорочного, рабского послушания наставнику, которое, согласно Талмуду, было необходимо по отношению к раввину. Община апостолов везде следует за Учителем, при переправе через Тивериадское море апостолы дружно управляют судном, они сопровождают Христа в путешествиях, слушают, как Он учит народ, спрашивают Его о смысле притч, но они всегда остаются прежде всего Его друзьями. Между Христом и апостолами нет той дистанции, которая в иудейской традиции отделяла учителя от учеников.

Несмотря на то, что Евангелия называют Христа *didaqskalow*, Сам Христос противопоставляет Себя другим *дидаскалам* Своего времени. Когда Никодим, пришедший к Иисусу ночью, не может понять Его слов, Он называет его *dida?skalow toy Slrahql*: «Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь?» (Ин. 3:10). «Учителем Израилевым» в еврейской среде

именовался обычно человек, который обучал пути Божию на основании Торы; иногда его именовали «учителем истины». Но Христос, обращаясь к апостолам, говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 14:6). Он не только учит правильному пути: Он Сам есть путь, по которому ученики должны идти.

Иисус Христос учил апостолов для того, чтобы они могли передать Его учение следующим поколениям людей. После воскресения Он возложил на них учительскую миссию: «Идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19—20). Для осуществления этой миссии им необходимо было содействие Святого Духа, Который, по обетованию Спасителя, должен научить их всему (Ин. 14:26). После того, как в день Пятидесятницы на учеников нисходит Дух Святой (Деян. 2:1—4), они становятся в полном смысле слова апостолами и вступают на путь учительства. Подобно Иисусу, они начинают учить в храме, в синагогах, в частных домах (см. Деян. 5:21; 5:42; 13:14 и др.).

Преемство учения, переходящего из поколения в поколение, было неотъемлемой чертой всякой духовной школы. Иисус Христос как учитель был преемником ветхозаветных пророков и Иоанна Крестителя; преемниками Иисуса стали апостолы и первые поколения христианских «дидаскалов»-учителей, о которых упоминается уже в посланиях апостола Павла [8]. В задачу этих дидаскалов входило прежде всего научение вере оглашенных и новокрещенных; наряду с пастырями дидаскалы занимались евангелизацией и катехизацией членов молодых христианских общин [9].

Дидаскал, — пишет протопресвитер Николай Афанасьев, — обучал Церковь через раскрытие истин веры, содержащихся в Предании и в Писании. Если не все, то по большей своей части дидаскалы — ученые богословы древней Церкви, представители богословской науки, которая служит Церкви... В противоположность языческим школам они открывали свои школы, где не только обучались оглашенные, но и верные, желающие познать Слово Божие [10].

Об этих школах, продолживших традицию, восходящую к Иисусу Христу и Его апостолам, и пойдет речь далее в настоящем докладе.

2. Христианская духовная школа эллинистического мира

Проповедь апостолов и их преемников стала почвой, на которой сформировались все духовные школы христианского Востока. По мере того как Церковь расширялась географически, христианские учителя сталкивались с культурными традициями, отличавшимися от той, в которой сформировалась апостольская община. Происходил сложный и временами болезненный процесс осмысления богооткровенной религии как пути ко спасению, не обусловленного рамками еврейской национальной традиции. Благовестие о Боге воплотившемся, распятом и воскресшем долгое время оставалось «безумием» для эллинистического мира (ср. 1 Кор. 1:23), который должен был созреть для своей Пятидесятницы, найти свой подход к тайне Боговоплощения. Рожденное в ином культурном измерении,

сознание эллинского мира требовало и иного педагогического подхода со стороны христианских дидаскалов. Опыт апологетов показывал, как трудно было донести истины Откровения, научить опыту жизни во Христе античное общество. Эта задача была блестяще выполнена катехизическими школами древнего мира, о которых и пойдет речь.

Нет оснований полагать, что возникновение огласительных училищ произошло внезапно. Оглашение являлось неотъемлемой частью духовной и литургической жизни Церкви. Так, например, община римских христиан, судя по археологическим [11] и нарративным [12] данным, имела обширный институт катехуменов, которые окормлялись епископами, пресвитерами и дидаскалами. Во II веке в Риме уже действовала христианская богословская школа под руководством святого Иустина Философа.

1) Александрийское огласительное училище

II—III веков

Самым ярким и интересным явлением этого периода было Александрийское огласительное училище. Благодаря своему географическому положению Александрия стала центром стечения самых разнообразных культур, традиций и школ, обосновавшихся здесь задолго до появления христианства. Знаменитый Александрийский Музей насчитывал около семисот тысяч книг, в числе которых были произведения античных философов, поэтов и врачей, многочисленные списки Септуагинты, зороастрийские книги, трактаты по вавилонской астрологии и многое другое. Вполне закономерно, что лучшая христианская духовная школа древнего мира возникла и развилась на столь благоприятной почве. Огласительное училище неизменно сохраняло главную практическую цель, каковой являлись научение вере и подготовка к принятию крещения. Обучение, по всей видимости, ограничивалось «введением в христианство» с упором на чтение Священного Писания. Особенное внимание уделялось аскетической практике: богослужение и молитва чередовались с богословскими занятиями. В училище происходило постепенное воцерковление катехуменов, которые по окончании его принимали крещение и становились полноправными членами Церкви.

Однако уже во II веке, при Пантене и Клименте Александрийском, училище стало приобретать черты своего рода «христианского университета» с широким охватом учебных дисциплин [13]. Знаменитая трилогия Климента, его *opus magnum*, представляет собой не что иное, как «программу» огласительного училища Александрии. Основа «Протрептика» («Увещения к эллинам») — лекции, подготовленные ректором для, условно говоря, «1-го курса» возглавлявшегося им училища, т. е. для тех представителей эллинистической традиции, которые заинтересовались христианством и готовились к крещению. «Педагог» представляет собой курс нравственного богословия, предназначенный, очевидно, для «2-го курса», т. е. для новокрещеных. Что же касается «Стромат», то они отражают сокровенный христианский гнозис: они предназначались для тех, кто стремился постичь возвышенное божественное знание. При такой гибкой и академически продуманной программе дидаскал Александрийской школы был не только

преподавателем богословия, но и в собственном смысле «детоводителем», духовным наставником своих учеников в вере и аскетической практике. Согласно Клименту, постижение божественных тайн неотделимо от спасения, поэтому христианское образование есть исполнение воли Божией, есть христианский подвиг веры.

Трилогия Климента дает ясное представление о том, какой курс наук преподавался им в Александрийском училище. На начальных этапах студенты знакомились с науками и искусствами, составляющими «мирскую мудрость», а также со всем многообразием античного философского наследия. Затем изучалось Священное Писание Ветхого Завета, причем упор делался на поиск параллелей между античной и ветхозаветной традицией. Наконец, изучались памятники христианской письменности, в частности, Евангелия и послания св. апостола Павла. Предметом изучения было и собственно церковное Предание, которое сравнивалось с «преданиями» еретиков. Климент обращал особое внимание на опровержение гностических учений: им противопоставлялся истинно христианский «гнозис».

Почему необходимо изучение светских наук и философии? Потому, отвечает Климент, что неученый человек не сможет ни отличить истину от лжи, ни должным образом защитить христианскую веру перед ее врагами:

Некоторые же полагают весьма разумным ни с диалектикой, ни с философией дела не иметь, ни естественных наук не изучать, но довольствоваться лишь простой и чистой верой. Но это все равно, как если бы утверждали они, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно лишь посадить ее, чтобы иметь потом гроздь... При уходе же за виноградной лозой... приходится пользоваться ножом, заступом и другими земледельческими орудиями... Подобным же образом свести все к истинному учению может лишь человек основательно ученый. Для защиты веры от посягательств на нее он пользуется многим и из геометрии, и из музыки, и из грамматики, и из философии [14].

Так называемые «подготовительные», или «начальные» науки, включающие в себя, в числе прочего, музыку, геометрию, грамматику и ораторское искусство, по мнению Климента, необходимы для восхождения на более высокую ступень, каковой является изучение философии [15]. Подготовительные науки необходимы лишь постольку, поскольку они ведут к более глубокому познанию истины. Христианин, по мнению Климента, должен быть энциклопедически образованным, однако эта образованность не есть самоцель. Ученость надлежит поставить на службу христианству, нуждающемуся в защите от нападков внешних:

Насущным делом истинного мудреца является познание. Но уважение к познанию как таковому располагает его и к наукам подготовительным... ведь в каждой из них он отыскивает оружие, содействующее защите истины. Музыка своим обусловленным мерой ритмом и гармонией аккордов учит его согласию с самим собой. Арифметика... объясняет, что большая часть вещей и их связи подчинены числовым соответствиям. Углубляясь в геометрию... он, благодаря навыку в созерцании, привыкает к

умопредставлению сплошного пространства и насущного, т. е. неизменного бытия, отличного от вещей земных. Астрономия возносит его ум за пределы земли... Но истинно мудрый не останавливается на этом. Он изучает также и диалектику... Именно она учит его проникать в сущность предметов... [Истинный мудрец] должен быть знаком со всем кругом школьных наук и всей эллинской мудростью. Но сами по себе они не имеют для него никакого значения; он видит в них полезную и лишь по времени и обстоятельствам необходимую принадлежность жизни. В руках еретиков науки эти служат средством для распространения лжи и зла, в его же руках — орудием добра и истины [16].

Климент придавал большое значение изучению философии. Он считал, что не следует противопоставлять философии христианскую веру. По его учению, «философия не отвращает от веры», напротив, «мы ограждаемся ею, как неким прочным оплотом, приобретая в ее лице своего рода союзника, вместе с которым утверждаем и свою веру» [17]. Согласно Клименту, «путь к истине один, но в него вливаются различные потоки, соединяясь в реку, текущую в вечность» [18]. Одним из таких потоков является древнегреческая философия, которая есть «приготовительное учение, пролагающее и выравнивающее путь ко Христу» [19]. Философия была дана эллинам как божественный дар, как «воплощенный образ (икона) истины» [20]; для эллинов она — такой же детоводитель ко Христу (Гал. 3:23—24), каким было для евреев Писание Ветхого Завета [21]. Сам термин «философия» употребляется Климентом в расширительном смысле: для него философия — не учение Платона, Эпикура или Аристотеля, но «то лучшее, что каждая из этих школ говорит о справедливости и благочестивом знании» [22].

«Истинная философия», по Клименту, есть любовь к истине и стремление к познанию истинного Бога. Если у эллинов философия нередко вырождается в софистику, то для христиан она всегда остается путем к приобретению мудрости:

...Философия есть поистине искусство правильной мудрости, дающее опыт в вещах жизненно важных; она — твердое познание того, что касается Бога и человека; некое прочное и непоколебимое обладание, скрепляющее воедино настоящее, прошедшее и будущее — то, чему научил нас Сам Господь Своим пришествием или через пророков. Она неизменна как переданная от Сына... и как познанная через Него является всецело истинной. Она и вечна, и полезна для целей временных... Философами же мы называем тех, кто любит мудрость Творца и Учителя всех, то есть познание Сына Божия, а эллины — тех, кто состязается в словах о добродетели [23].

При всем уважении, которое испытывал Климент к философии, он понимал, что ее изучение является, в свою очередь, подготовительной ступенью к постижению истинной мудрости — христианского гнозиса. Поэтому после обзора античных философских систем Климент переходил к Священному Писанию Ветхого Завета: он рассказывал ученикам о его греческом переводе [24] и о его «авторе» — Моисее [25]. Далее следовал подробный разбор «параллелей» между Моисеем и Платоном: целью этого разбора

было доказать, что Платон читал Моисея и многое заимствовал из Ветхого Завета [26]. Учение Ветхого Завета сравнивалось также с взглядами античных законодателей — Миноса, Ликурга и Солона [27]. На следующих этапах изучения Священного Писания Климент обращался к опровержению гностических учений, попутно продолжая сравнивать античные концепции с ветхозаветными учениями.

Климент предлагал слушателям и курс «экзегетики» Священного Писания, касаясь таких ключевых экзегетических понятий, как библейский антропоморфизм, буквальное и аллегорическое толкование Писания [28]. Вопросы нравственного богословия, составлявшие основную часть подготовительного курса («Педагог»), затрагиваются и на высших этапах обучения (нравственные увещания рассыпаны по всему корпусу «Стромат»). Мы не можем говорить о систематическом курсе «догматики» у Климента, однако несомненно, что на высших этапах обучения он знакомил учеников с основными «тайнствами» христианской веры, такими как Предвечный Совет и Промысл Божий о спасении человечества [29], сошествие Христа во ад и проповедь Евангелия язычникам, умершим вне веры [30], и многие другие. Климент затрагивает и экклезиологическую проблематику [31]. Вопросы мистического богословия также находят свое отражение в труде Климента: он говорит о видении Бога, к которому призваны христиане, об обожении человеческого естества [32]. Характерно, однако, что у автора «Стромат» нет деления богословия на «нравственное», «догматическое», «сравнительное» и т. д. Именно это, очевидно, понимается под «несистематическим» характером «Стромат», на который неоднократно обращали внимание исследователи.

Отсутствие у Климента четкого подразделения христианского богословия на различные области, на мой взгляд, связано с отсутствием такового деления в самом курсе наук, преподававшихся в Александрийском училище. У Климента, безусловно, была своя «система», которая, как я уже сказал, заключалась в последовательном переходе от низшего этапа к высшему: от «подготовительных наук» к философии, от философии к богословию. Но в подаче материала у Климента полностью отсутствует фрагментация, столь характерная для сегодняшней богословской школы. Христианская наука преподается Климентом как единое целое, не разделенное на те или иные области. И в этом, как мне представляется, не недостаток, но, напротив, великое достоинство того метода преподавания, который был характерен для Александрийской школы. Ученики усваивали христианскую доктрину в ее когерентности, прослеживая неразрывную связь между догматом, нравственностью, опытом молитвы и мистическим опытом.

Какую цель преследовала образовательная система, разработанная Климентом? Прежде всего, он хотел приобщить учеников к сокровищам истинного гнозиса, научить их мудрости, раскрыть перед ними тайны христианской веры. Но не меньшее значение имело духовно-нравственное воспитание учащихся:

Не природа, а обучение делает нас благими, подобно тому как обучение создает врачей и моряков... Даже и важнейшие из добродетелей могут быть

достигнуты людьми, природа которых противится истине, если их в том наставляют и если те наставления принимаются... Вложенные в нас искры добра раздуваются воспитанием; учение наставляет нас избирать добро и предпочитать его злу [33].

2) Ориген и его концепция духовной школы

Перейдем теперь к рассмотрению педагогической концепции Оригена, который был преемником Климента на посту ректора Александрийского училища и при котором наступил кульминационный момент в истории духовного образования в Александрии. Роль Оригена в формировании образовательной концепции христианской Церкви трудно переоценить. Он разработал и осуществил новый метод преподавания, генетически связанный с традициями Климента Александрийского и его предшественников, но качественно отличавшийся от всего, что существовало в христианской педагогике до него [34].

Будучи выдающимся мыслителем, Ориген понимал, что христианская мысль должна охватить все области человеческого знания, и чем глубже преображающий дух христианства проникнет во все сферы интеллектуальной жизни общества, тем громче зазвучит проповедь Христа в языческом мире. Пламенная любовь к учености и образованию соединялись у Оригена с глубокой духовной жизнью, аскетизмом и умственной широтой.

Ориген был богословом-систематиком, создавшим монументальный труд «О началах» — первое в истории христианства систематическое изложение догматов Церкви. Кроме того, он был крупнейшим в истории Церкви экзегетом Священного Писания, истолковавшим — с использованием традиционного для Александрии аллегорического метода — все книги Ветхого и Нового Заветов. Ориген положил начало тому, что впоследствии, много столетий спустя, выросло в отдельную отрасль библейской науки — так называемую «библейскую критику»: он подготовил первое известное истории научное издание Библии, в котором в шести параллельных столбцах были помещены различные греческие переводы Ветхого Завета (т. н. «Гекзаплы»). Ориген был великим церковным апологетом, автором знаменитого труда «Против Цельса», в котором христианская апологетика поднялась на новый, неведомый до Оригена уровень. Ориген был энциклопедически образованным человеком, владевшим всем арсеналом светской науки, в совершенстве изучившим античные философские системы. Наконец, Ориген был выдающимся духовным руководителем, оказавшим огромное духовно-нравственное влияние на своих современников.

Все эти уникальные качества Оригена не могли не отразиться на его преподавательском методе. В своей преподавательской деятельности Ориген ставил на первое место толкование Священного Писания и изучение христианских догматов. Однако, прежде чем переходить к чтению и толкованию Библии, он предлагал слушателям подготовительный курс, включавший в себя диалектику, физику, математику, астрономию и

геометрию; затем изучались философия и богословие. В этом Ориген следовал своим предшественникам на посту ректора Александрийского училища. Уважение к античной учености царило в Александрийском училище еще со времени Пантена и Климента, и Ориген стремился поддерживать этот дух. Когда по причине увеличения числа слушателей Ориген перестал справляться с объемом преподавательской работы, он поручил ведение подготовительного курса своему ученику Ираклу, впоследствии епископу Александрийскому, а сам сосредоточился на преподавании богословия и Священного Писания.

После того, как Ориген был вынужден покинуть Александрию, он перебрался в Кесарию Палестинскую, где основал школу по образцу Александрийского огласительного училища. Курс обучения в Кесарии был примерно таким же, как и в Александрии. До нас дошло уникальное свидетельство священномученика Григория Неокесарийского, проучившегося у Оригена в течение пяти лет и в своем «Похвальном слове Оригену» рассказавшего о том, как проходило его богословское и духовное формирование под руководством великого александрийского дидаскала.

Вот что говорит святой Григорий о курсе наук, преподававшихся в Кесарийском училище Оригеном:

Он стремился возбудить и развить не только эту [высшую] сторону моей души, правильная постановка которой принадлежит одной только диалектике, но также и низшую часть души: я был изумлен величием и чудесами, а также разнообразным и премудрым устройством мира, и я дивился, хотя и без разумения, и совершенно поражен был глубоким благоговением, но, подобно неразумным животным, не умел ничего объяснить; так он возбуждал и развивал во мне эту способность другими отраслями знаний, именно посредством естественных наук он объяснил и исследовал каждый предмет в отдельности... до тех пор, пока... не вложил в наши души вместо неразумного разумное удивление священным устройством вселенной и безукоризненным устройством природы. Этому возвышенному и божественному знанию научает возлюбленная для всех физиология. Что же я должен сказать о священных науках — всем любезной и бесспорной геометрии и парящей в высотах астрономии?.. Он через обе эти названные науки, как бы посредством лестницы, возвышающейся до небес, делал для меня доступным небо [35].

Таким образом, Ориген сохранял те же предметы, что преподавались до него Климентом Александрийским, однако каждый отдельный аспект той или иной науки был представлен шире и полнее. Изучалась не только философия, диалектика и логика, но и космология, а также физиология (в античном смысле этого слова), что давало возможность учащимся приобретать энциклопедическую образованность, знакомиться с самыми разными областями человеческого знания.

По свидетельству святого Григория, Ориген уделял особое внимание изучению античной философии и литературы:

Он требовал, чтобы мы занимались философией, собирая по мере сил все

имеющиеся произведения древних философов и поэтов, не исключая и не отвергая ничего... кроме всех произведений безбожников... Такие произведения непристойно и читать, чтобы случайно не осквернилась моя душа... [36] Со всеми же остальными произведениями я должен был знакомиться и заниматься ими... Для меня не было ничего запретного, ибо не было ничего сокровенного и недоступного; но я мог изучить всякое учение — и варварское и эллинское, и относящееся к таинствам [христианской веры] и [из области] политики, и о божественном и о человеческом — с полным дерзновением мог изучать и исследовать все... [37]

Как утверждает святой Григорий, в школе Оригена последовательно изучались все известные системы греческих философов. Однако лекции его были построены таким образом, чтобы показать взаимную противоречивость философских доктрин:

Не вводил ли он меня в эту борьбу учений и противоречия философов друг другу и их разделения, из которых одни противостоят учениям других, одни держатся одного, другие — другого, одни соглашаются на одно, другие — на другое; и все имеют желание заниматься философией и объявляют об этом с того времени, как только впервые обратились к ней?.. [38]

Вводя учеников во все многообразие античного философского наследия, Ориген учил их ориентироваться в нем, отличать белое от черного, истинное от ошибочного. Ориген не просто представлял учащимся те или иные античные учения, он интерпретировал их в христианском духе, применял к ним критерий соответствия христианскому Благовестию:

Чтобы и мне не потерпеть того же, что случилось со многими, он не вводил меня в какое-либо одно из философских учений и не внушал примыкать к ним, но приводил меня ко всем, не желая, чтобы я был несведущ в каком-нибудь эллинском учении. Но он и сам шел вместе со мною впереди меня и вел меня за руку, как бы во время путешествия, на тот случай, если встретится на пути что-нибудь неровное, потайное или коварное... Он собирал все, что у каждого философа было полезного и истинного, и предлагал мне, а что было ложно, выделял, как другое, так в особенности то, что по отношению к благочестию было собственным делом людей [39].

Ориген старался привить своим ученикам вкус к диалектике, к четкости и упорядоченности мысли:

Ибо многообразна эта часть философии (т. е. диалектика), приучающая не безрассудно и не как случится то соглашаться на доказательства, то отклонять их, но точно исследовать... [40]

Исключительное внимание уделялось в школе Оригена изучению книг Священного Писания. Если преподавание других предметов Ориген мог поручить кому-либо из своих учеников, то библейскую экзегетику он оставлял для себя. В описании святого Григория Ориген предстает как экзегет, от чьего пронизательного духовного взора не могло укрыться

никакое самое сокровенное речение Священного Писания. Григорий называет Оригена «слушателем» Божественного Логоса, через которого Сам Логос открывал истину ученикам. Именно через призму Оригеновых толкований ученики Кесарийской школы постигали смысл книг Ветхого и Нового Заветов:

...Он сам истолковывал пророческие вещания и изъяснял то, что было темным и загадочным, какого много в священных изречениях... Он прояснял и выводил на свет, встречалось ли что-нибудь загадочное, потому что он был способным и в высшей степени пронизательным слушателем Божиим... [и] потому что Первовиновник всех этих изречений, Который вещал... пророкам и внушал все пророчества и таинственные и божественные речи, так почтил его, как друга, и поставил истолкователем их. Что Он через других сообщал только в неясных намеках, то чрез сего мужа сделал предметом обучения... Этот величайший дар имеет от Бога сей муж, получивший с неба и превосходнейший жребий быть истолкователем божественных слов людям, воспринимать божественное как бы из уст Божиих и изъяснять людям, как это доступно для человеческого слуха [41].

Особенно драгоценны для нас свидетельства о преподавательском методе Оригена, сохраненные святым Григорием. Важнейшей заботой великого дидаскала было привить ученикам вкус к самостоятельному осмыслению изучаемого материала. Ориген прекрасно понимал, что его задачей является не преподать учащимся некую сумму знаний, но научить их самим отвечать на вопросы, возникающие в процессе изучения той или иной науки. Подобно другому великому педагогу, Сократу, Ориген не давал ученикам готовые ответы на вопросы, но убеждал каждого ученика доказательствами из его же собственных уст:

Терния и волчцы и всякий род диких трав и растений — сколько их в изобилии произрастала моя беспокойная душа, так как она была неупорядочена и нерассудительна, — все это он обрезывал и удалял своими изобличениями и запрещениями. Он нападал на меня и особенно своим сократическим способом доказательства иногда повергал меня на землю, если видел, что я, как дикая лошадь, совершенно сбрасывал узду, выскакивал на дорогу и часто бесцельно бегал кругом, пока убеждением и как бы принудительной силой — доказательством из моих собственных уст — как уздой, снова делал меня спокойным. Сначала мне было тягостно и небезболезненно, когда он приводил свои доказательства, так как я не привык еще к этому и не упражнялся в том, чтобы подчиняться доводам разума; но вместе с тем он и очищал меня [42].

Воспитывая учеников и будучи их наставником не только в науках, но и в духовной жизни, Ориген, как мы видим, был неумолим ко всему тому, что препятствовало юной душе познать плоды истины. Не следует думать, что ученики Оригена обладали необыкновенными способностями или что они все отличались равным благочестием. Многие ученики требовали от Оригена больших педагогических усилий, терпения и вдумчивого подхода. Как можно предположить, сам святой Григорий был одним из таких «трудных» учеников, с которым Оригену все же удалось справиться:

...Он овладел мною и со свойственным ему искусством как бы земледельца осмотрел и проник не только в то, что видимо всем и усматривается на поверхности, но глубоко вскопал и исследовал самые внутренние основания, ставя вопросы, предлагая [на разрешение] и выслушивая мои ответы; когда он усматривал во мне что-либо не непригодное, небесполезное и не исключающее надежды на успех, он начинал вскапывать, перепаживать, поливать, все приводил в движение, прилагал все свое искусство и заботливость [43].

Ориген покорял сердца своих учеников не интеллектуальным превосходством, но искренним словом христианской проповеди и глубоким благочестием:

Он стремился не просто одолеть меня своими доводами, но благоприятным, человеколюбивым и благородным расположением спасти и сделать причастником как тех благ, которые проистекают из философии, так и других, особенно тех, которые Божество даровало ему одному превыше многих, или, может быть, превыше и всех нынешних людей... [44]

Между Оригеном и его слушателями не было той дистанции, которая нередко отделяет учителя от учеников. Несмотря на свое высокое положение, Ориген не обращался с учениками, как начальник с подчиненными, не унижал их и не старался во что бы то ни стало добиться беспрекословного послушания. Учителя и учеников в школе Оригена скрепляла глубокая и искренняя дружба. Святой Григорий свидетельствует:

...Он поразил меня и жалом дружбы, с которым нелегко бороться, острым и сильно действующим, — жалом умелого обращения и доброго расположения, которое, как благожелательное ко мне, обнаруживалось в самом тоне его голоса, когда он обращался ко мне и беседовал со мною [45].

Как пишет святой Григорий, Ориген научил его самому главному — любви к Богу. Именно на этой любви, как на прочном основании, были построены отношения учеников с учителем:

Подобно искре, попавшей в самую душу мою, возгорелась и воспламенилась моя любовь как к священному, достойнейшему любви самому Слову, Которое в силу Своей неизреченной красоты привлекательнее всего, так и к сему мужу, Его другу и глашатаю [46].

Панегирик, написанный священномучеником Григорием Неокесарийским, мог бы показаться идеализацией образа его учителя, если бы не та искренность и автобиографичность, которая отличает это произведение от многих сочинений подобного рода. Святой Григорий оставил за кадром те негативные стороны школьной жизни, которые могли иметь место и которые почти неизбежны в любом учебном заведении. Мы не знаем о школе Оригена того, что знаем, например, о Нисибийской школе, о которой речь пойдет ниже, благодаря дисциплинарным правилам этой школы, дошедшим

до нас.

От огласительных училищ II—III веков не осталось дисциплинарных правил, но остались литературные памятники, которые с несомненной достоверностью говорят нам о том, что эти училища были выдающимися центрами духовной культуры, где преподавали великие дидаскалы (такие как Климент и Ориген), откуда выходили выдающиеся ученики (такие как святой Григорий Неокесарийский), где учащиеся получали энциклопедические знания и при этом становились глубоко церковными людьми. В огласительных училищах II—III веков наука была неотделима от благочестия, богословское образование — от духовного воспитания. В этом их несомненная заслуга для христианской Церкви.

3. Духовная школа сирийского Востока

Перейдем теперь к следующей теме — к рассмотрению основ богословского образования на сирийском Востоке. Несмотря на различие культурной почвы и исторических условий, духовные школы сирийского Востока развивались по схеме, аналогичной той, по которой развивались христианские учебные заведения эллинистического мира. Однако на сирийском Востоке мы можем обнаружить несколько иную интуицию, иную концепцию духовного образования, которая не лишена своей оригинальности и глубины.

1) Сирийская христианская образованность

Крупнейшие центры сирийской христианской образованности — знаменитые академии Эдессы и Нисибина — возникли, подобно эллинистическим школам, на почве небольших катехизических школ при христианских храмах. Согласно сирийским источникам, в этих приходских школах обучались только мальчики. Обучение начиналось с освоения основ грамоты по Псалтири и заучивания псалмов наизусть; так, основатель Нисибийской академии мар Нарсай поступил в школу города Айн Дулба в возрасте семи лет; благодаря своим незаурядным способностям, он уже через девять месяцев «отвечал всего Давида», т. е. выучил наизусть всю Псалтирь. Дальнейшее начальное образование включало в себя изучение Ветхого и Нового Заветов, а также библейских толкований Феодора Мопсуестийского. В систему этого начального образования входило, кроме того, заучивание наизусть важнейших богослужебных песнопений и некоторый опыт в гомилетике.

О ранних годах существования Эдесской академии мы имеем лишь отрывочные сведения. Известно, что после того, как в 363 году Нисибин был захвачен персами, оттуда в Эдессу бежали многие христиане. Среди них был и мар Апрем, более известный нам под именем преподобного Ефрема Сирина. Он основал в Эдессе знаменитую «школу персов» (т. е. беженцев из Персии). «О преподавании в ней можно судить по библейским комментариям преп. Ефрема... Это была школа семитского типа, вроде

еврейских школ, — школа-общезитие, некое братство. Главным предметом преподавания и впоследствии оставалось Священное Писание. Нужно было научиться читать и объяснять Библию. Ученики записывали и заучивали объяснения учителя» [47].

При жизни преподобного Ефрема и в течение нескольких десятилетий после его смерти в Эдесской школе пользовались его толкованиями Писания в качестве экзегетических образцов. Однако в 420 году мар Киора, один из преемников преподобного Ефрема на посту ректора школы, принял решение перевести на сирийский язык библейские комментарии Феодора Мопсуестийского, охватывавшие, в отличие от комментариев Ефрема, практически все книги Библии. После того, как перевод был закончен, толкования Феодора Мопсуестийского вытеснили в учебной программе все прочие толкования, а сам Феодор стал главным авторитетом в области богословия и экзегетики во всей восточно-сирийской традиции: его называли не иначе как «Блаженным» или «Вселенским Толкователем».

Как известно, Феодор Мопсуестийский был представителем крайне диофизитского направления в христологии, впоследствии отождествленного с несторианством. После осуждения Нестория на Ефесском Соборе 433 года на всю восточно-сирийскую традицию легло подозрение в ереси. Споры между монофизитами и диофизитами захлестнули и Эдесскую школу. В 489 году школа была объявлена очагом несторианства и по приказу императора Зенона закрыта. За несколько лет до этого ее руководитель мар Нарсай вместе с учениками переселился в Нисибин. К концу V века Нисибийская школа становится одним из главных духовных и богословских центров сирийской Церкви.

Мар Нарсай был выдающейся личностью. Он прожил долгую жизнь, которая началась в IV, а закончилась в VI веке (399—501). Его популярность в Нисибине была очень велика. Он славился и как подвижник, и как выдающийся толкователь. По свидетельству летописца, шесть качеств более всего привлекали к нему народ: новизна его мыслей, умение держать себя с достоинством, располагающая внешность, отзывчивость, доброта и красноречие (красота его поучений) [48]. С именем Нарсай связано появление интереснейшего документа — «Правил Нисибийской школы», которые мы рассмотрим ниже.

Еще одним знаменитым ректором Нисибийской школы был Энана Адиабенский, возглавивший школу в 572 году. При нем была сделана попытка отказаться от библейских комментариев Феодора Мопсуестийского, которые Энана хотел заменить на комментарии Иоанна Златоуста и свои собственные. Энана был яркой личностью и выдающимся богословом, однако авторитет «Вселенского Толкователя» оставался незыблемым, и против Энаны восстали не только многочисленные богословы и монахи, но и руководство сирийской Церкви. Поместный Собор этой Церкви, созванный в 585 году, подтвердил незыблемый авторитет Феодора, запретив кому-либо «явно или скрыто порицать этого Учителя Церкви или отвергать его святыя книги». Впоследствии два Собора, в 596 и 605 годах, осудили толкования Энаны и повторили анафемы против «отвергающих комментарии, толкования и учения верного учителя, блаженного Феодора-

Толкователя, и пытающихся ввести новые и странные толкования, исполненные безумия и злохуления» [49].

Энана принадлежал к тому течению в сирийской Церкви, которое симпатизировало Халкидонскому Собору: именно с этим было связано стремление Энаны освободиться от наследия «отца несторианства», Феодора Мопсуестийского. В течение достаточно долгого времени в Нисибийской школе продолжалась борьба между сторонниками Энаны и его противниками. Несмотря на соборные прещения конца VI века, Энана продолжал пользоваться авторитетом на рубеже VI и VII веков, когда были обнародованы дополнительные правила Нисибийской школы (их мы также рассмотрим ниже): там Энана назван «опытным в знании и славным в смирении» [50].

Скажу теперь несколько слов об учебном процессе, куррикулуме и структуре Эдесской и Нисибийской школ. Преподавание длилось три года и разделялось на два учебных семестра — летний и зимний. После преподавательского курса студенты начинали систематическое изучение Священного Писания, а также филологических, исторических и богословских дисциплин. Изучалась, кроме того, греческая философия и литература, светская история, география и риторика [51]. Учитель риторики имел титул «мехагяны». Философия изучалась по первоисточникам: читали, в частности, сочинения Аристотеля, Порфирия, а также сирийских авторов. Философским дисциплинам обучал «бадука»; среди философских дисциплин одно из первых мест занимала логика. Занятия письмом и каллиграфией вел «сафра» — писец. «Макрейана» учил правилам чтения.

Ключевой фигурой в школе был «мепашкана» — толкователь. В его задачи входило преподавание библейской экзегетики. Мепашкана пользовался не только «нормативными» толкованиями Феодора Мопсуестийского; он мог обращаться и к толкованиям других греческих и сирийских авторов. Кроме того, существовала и устная традиция толкования, переходившая из поколения в поколение. Мепашкана обычно являлся и ректором, т. е. осуществлял общее духовное руководство школой.

Мепашкана-ректор не был администратором: хозяйственными и административными вопросами занимался «раббаита» — эконо. Ему было вверено все имущество школы, он отвечал за финансы, следил за дисциплиной и нес ответственность за содержание библиотеки. Должность эконома была выборной. Помощником эконома был ксенодарх, на котором лежала, в частности, забота о школьной больнице.

Несмотря на то, что ректор и эконом пользовались безусловным авторитетом, высшей властью в школе были не они, а собрание общины, в котором всегда принимали участие и учителя и ученики (последние в силу своего численного преимущества имели решающий голос) [52]. На этом собрании обсуждались все важнейшие вопросы, связанные с деятельностью школы. Именно на нем избирали эконома. На нем же принималось решение об исключении того или иного провинившегося студента из школы. Собранию были подотчетны все члены общины, включая ректора и эконома, которые не могли без согласия прочих членов общины принимать

ответственные решения [53].

Такая структура школы обеспечивала высокий уровень взаимного доверия между, с одной стороны, «профессорско-преподавательской корпорацией», с другой — учащимися. Немыслимым было исключение ученика из школы по «келейному» приговору нескольких членов школьной администрации. Естественно, что и отношение к эконому (совмещавшему в одном лице современные должности инспектора, помощника ректора по административно-хозяйственной части и заведующего библиотекой) было уважительным, поскольку он не назначался вышестоящими властями, а избирался самой общиной.

2) Дисциплинарные правила Нисибийской школы

Чтобы увидеть, как жила Нисибийская школа, следует обратиться к дошедшим до нас Правилам, о которых я упоминал выше. Сохранилось два сборника Правил — один составленный при Нарсае (496 г.), другой — при Энане (590 г.). Правила Нисибийской школы являются первым известным истории уставом христианской духовной школы и потому представляют для нас особый интерес.

В отличие, например, от «Похвального слова Оригену» святого Григория Неокесарийского, где, как уже было сказано, автор сосредоточен на положительной оценке деятельности учителя и ничего не говорит об отрицательных аспектах жизни школы, Правила Нисибийской школы представляют обратную сторону медали. Как говорится в обширном предисловии, необходимость в утверждении Правил была продиктована нестроениями в школе, происшедшими по вине неких «людей завистливых», «неисправимых» и «сварливых». В предисловии к первому сборнику Правил содержится предостережение всякому нарушителю школьного устава: он «будет отлучен от братства Христа и от общения с истинными верующими» [54]. В школе, которая мыслит себя братством Христа, не должно быть никого, кто «воспротивится и заспорит и не примет [эти Правила] с любовью» [55].

Правило 1-е говорит о порядке выборов эконома:

В то время, когда подобает выбрать и объявить эконома, соответственно порядку и обычаю каждого года, по совету нашего учителя экзегета школы и всей общины, в согласии избирают соответствующее лицо, подходящее для руководства собранием. Никто не смеет остаться в стороне, поднять раздор и смятение... Если окажется, что кто-либо так поступает, восстает против правды и ссорится, он должен быть наказан, удален из собрания и лишен права на жительство в городе [56].

Таким образом, эконом избирался по рекомендации мепашканы-экзегета (он же ректор) общим собранием учащихся и учащихся. Выборы были сопряжены с раздорами и спорами; в ходе предвыборной борьбы создавались партии сторонников того или иного лица, «лоббировавшие» его

кандидатуру. Эконом избирался лишь на один год. О том, как он должен вести дела, говорит следующее правило:

Эконом, который избран и которому доверено руководство собранием, должен судить нелицеприятно и не руководствоваться [только] собственным мнением и не должен вести приходы и расходы школы без двух или трех свидетелей. И не налагать наказания на провинившихся без совета с нашим учителем [т. е. ректором] и известными братьями, и что бы он ни делал, будь то наказание или прощение, или что-нибудь иное, должен делать по совету с братьями [57].

Правило прежде всего предусматривает строгий надзор за финансовой деятельностью эконома. Кроме того, оно дает эконому право по совету с ректором и «известными братьями» наказывать тех или иных провинившихся школяров. Возможно, здесь подразумевается телесное наказание: одно из наиболее распространенных в древности и — скажем прямо — наиболее эффективных средств педагогического воздействия. Правило подчеркивает важность для эконома все свои действия согласовывать с «братьями».

Если решение о наказании провинившегося могла выносить «администрация» школы (т. е. эконом по совету с ректором-экзегетом и «известными братьями»), то решение об исключении принималось общим собранием:

Если некоторые из братьев... будут застигнуты при прелюбодеянии, разврате, воровстве, колдовстве или в мнении, противоречащем истинной вере, или опустятся до того, чтобы распространять суетность, то есть клевету, злословие, распущенность, ложь, или украдкой переходить из дома в дом ради выпивки, ссор или бунта, все собрание должно постановить не допускать их в школу и удалить из города [58].

Среди нисибийских студентов были распространены те же пороки, что имеют место в некоторых современных учебных заведениях: кое-кто из школяров был не прочь выпить, мог повздорить с другими братьями, залезть в чужой карман и т. п. Если за эти преступления полагалось изгнание из школы, то рукоприкладство каралось менее строго; ограничивались публичным наказанием виновного:

Если кто-нибудь из братьев по какой-либо причине поднимет руку и ударит своего товарища или оскорбит его и будет изобличен теми, кто [это] видел, он будет наказан перед всем собранием [59].

Впрочем, публичное наказание применялось лишь три раза. Если виновный не исправлялся, его исключали:

Если кто-нибудь из братьев был наказан в собрании за проступки до трех раз и совершил после этого еще один проступок, подобный одному из предшествующих, он должен быть наказан и покинуть собрание и

город [60].

Ученикам школы запрещалось без согласия эконома «ездить в землю ромеев» [61], т. е. в Византию: империя ромеев на протяжении десятилетий являлась стратегическим противником Персидской империи, и школярам вменялось в обязанность быть «политически грамотными». Учащимся запрещалось заниматься торговыми делами и ремеслом, за исключением летних каникул [62]. Исключением из школы каралась кража из библиотеки [63]: строгость наказания была обусловлена тем, что книги стоили необычайно дорого и представляли собой главное достояние школы. Они, тем не менее, выдавались на руки учащимся [64].

Не одобрялось уклонение от «писания, научных занятий, толкований школы и чтения сообща» (т. е., очевидно, общей молитвы) [65]. Студент, обвинивший другого студента в каком-либо проступке, но не сумевший доказать справедливость обвинения, наказывался, как если бы он сам совершил этот проступок [66]. Студентам, недавно поступившим в училище, запрещалось критиковать существующие там порядки; за подобные проступки наказывали исключением из школы:

Если увидят, что братья, находящиеся в школе, еще прежде чем они обучились и узнали порядок речи, высказываются в школе относительно внутренних ее дел и производят в школе смятение, они должны быть удалены из собрания и из города [67].

Любопытно, что наказания применялись не только к ученикам школы, но и к учителям. Их, в частности, наказывали за пропуск занятий без уважительной причины. Наказание для учителей заключалось в денежном штрафе:

Если учителя чтения и риторики пренебрегают занятиями или пропускают порядок чтений [лекций], возложенный на них — не по болезни и без разрешения нашего учителя [ректора] — то они заслуживают порицания и с них удерживается содержание, которое они должны получать [68].

Денежному штрафу, а также и исключению из школы, мог, по решению общего собрания, подвергнуться даже сам эконома. Это происходило в том случае, если он нарушит правила школы:

Ни один эконома не волен поступать по-иному, чем написано в этой книге. Если обнаружится, что он поступает иначе, он должен внести штраф десять динаров золотом, уйти с позором из собрания и из города [69].

Отметим, что изгнание из школы автоматически влекло за собой оставление города. Школа была лицом города; учителя и ученики школы были у всех на виду; всякий проступок немедленно становился достоянием общественности.

Второй сборник Правил Нисибийской школы, составленный сто лет спустя после первого, вносит некоторые новые существенные детали в

устав школы. Эконому, помимо прочих его обязанностей, предписывается «обходить братьев нуждающихся, обеспечивая их, если требуется, хлебом, или помогать им в отношении суда, при необходимости» [70]. Четко определяются обязанности смотрителя больницы:

Ксенодохос ксенодохейона, смотритель больницы при школе, должен усердно заботиться о заболевших братьях и не обделять их ничем из того, что им положено для питания или лечения, а также не воровать и не обманывать в том, что доверено его заботам. Без учителя [ректора] школы он не должен отмечать ни доходов, ни расходов. Если же случится, что хоть одно из того, что установлено в этих правилах, он не исполнит, все, что он присвоил и утаил, будет изъято у него, и он должен дать в виде штрафа деньги — пятьдесят статиров — для больницы, а затем с позором выгнан из школы и из города [71].

Правила запрещают школярам селиться в городе или строить себе отдельное жилище вне города [72], пропускать общее богослужение [73], «отлынивать» от физического труда во время жатвы и поденных работ, сваливая свою работу на другого [74]. Школярам запрещается «жить с врачами» («чтобы книги мирского искусства со святыми книгами в одном [месте] не читались») [75], а также укрывать у себя пленников или беглых рабов [76]. Как и в первом сборнике Правил, во втором сборнике говорится о недопустимости пьянства:

Никто из братьев, поскольку они состоят в школе, не должен есть в трактирах и кабаках, а также устраивать складчины и попойки в садах и парках, а все относить в свои кельи, как подобает по существующему у них порядку и обычаю [77].

Поскольку Нисибийское училище было школой закрытого типа, доступной только для лиц мужского пола, в нем следили за тем, чтобы ученики не переходили границы дозволенного в общении с женщинами:

Никто из братьев школы не должен под благовидным предлогом [общаться] с женщинами, монахинями... а также иметь с женщинами длительные разговоры и многочисленные дела, чтобы по этой причине не было обиды и оскорбления. Если окажется, что кто-либо поступает иначе, будет отчужден от собрания и уйдет из города [78].

Наконец, Правила обращают внимание на внешний вид учащихся. Школяры должны носить опрятную одежду и короткую стрижку:

Братьям школы наряду с учением следует заботиться об одежде и прическе. Они не должны стричься наголо или отращивать кудри, как миряне, но со скромной стрижкой, в благопристойном платье, далекие от распущенности, должны они ходить в пределах школы и по улицам города, так чтобы по этим двум [признакам] каждый мог узнать их, свой или чужой [79].

Мы видим, что уже в V—VI веках христианская духовная школа

нуждалась в детально разработанном уставе для поддержания порядка и строгой дисциплины. Однако это не была «палочная» дисциплина, основанная на насилии над личностью. Напротив, и учителя, и ученики призывались добровольно и сознательно следовать Правилам школы, не уклоняясь от их выполнения под разными предлогами. Главной заботой авторов Правил было сохранение школы как общины учителей и учеников, объединенных общей целью и общим видением. Исключались из школы — да и то лишь по решению общего собрания и лишь после многократных или особо тяжких проступков — только те ее члены, которые не разделяли это видение и своим присутствием ставили под угрозу целостность школы как единого организма.

Заключение

Мы рассмотрели лишь несколько типов духовной школы, характерных для раннехристианского Востока. Апостольская община интересовала нас прежде всего как первая и единственная в своем роде школа, основанная Самим Спасителем. Анализ деятельности Александрийского огласительного училища времен Климента позволил нам рассмотреть детали учебной программы, характерной для христианских школ эллинистического мира. Рассмотрение концепции духовного образования Оригена позволило нам сделать выводы о том, какими педагогическими методами пользовались великие дидаскалы христианского Востока. Взгляд на сирийскую христианскую образованность и в особенности рассмотрение Правил Нисибийской школы позволили нам увидеть, как формировалась система обеспечения дисциплины в духовных школах первых веков.

В заключение мне хотелось бы вернуться к тому, с чего я начал — к вопросу о том, как в формировании нового видения духовной школы нам может помочь опыт раннехристианских школ.

Безусловно, не все в духовных школах древнего Востока заслуживает восхищения и не все следует возрождать. Никому не придет в голову восстанавливать систему телесных наказаний, существовавшую в древности. Нет необходимости возвращаться к старым способам усвоения материала — переписыванию текстов, заучиванию их наизусть. Но все это относится к формам обучения, а не к его содержанию.

Если же говорить о содержательной стороне учебного процесса в раннехристианской школе, то здесь нам есть чему поучиться. Я бы выделил десять пунктов, над которыми, как мне кажется, стоило бы подумать при подготовке новой модели духовной школы:

1. Прежде всего, раннехристианская духовная школа была единой общиной, братством людей, объединенных одной целью, одной задачей (это в равной степени относится к апостольской общине, к школе Оригена и к Нисибийскому училищу). Что препятствует нам возродить этот дух общинности и единства?

2. Отношения между учителем и учеником в раннехристианской школе строились на основе взаимного доверия; учеников и учителя скрепляли тесные узы дружбы; не было дистанции между «профессорско-преподавательской корпорацией» и студентами. Возродить такие отношения возможно, если некоторые современные «начальствующие» и «учащие» добровольно откажутся от того положения, в которое они себя поставили, если не будут относиться к студентам свысока, но научатся общаться с ними на равных, научатся уважать и ценить студентов. Если преподаватели духовных школ последуют примеру Христа, который, будучи «учителем и господом», умывал ноги Своим ученикам, атмосфера в духовных школах сразу же коренным образом изменится.

3. В духовной школе христианского Востока ключевой фигурой был ректор. Он являлся духовным руководителем школы, определял общее направление ее деятельности. Он был «педагогом»-детоводителем, своего рода духовным отцом учащихся. Ректор не был администратором, не занимался финансовой деятельностью, не отвечал за дисциплину в школе: за это отвечали другие. Ректор был богословом, специалистом в своей области (в частности, в области библейской экзегетики), и потому пользовался огромным авторитетом. Что мешает нам возродить такой тип руководителя духовной школы? Между прочим, именно такими ректорами были протоиерей Георгий Флоровский, протопресвитеры Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф, сочетавшие ученость с выдающимися пастырскими качествами и создавшие одну из лучших сегодня православных богословских академий. Таким же научным и духовным руководителем является епископ Диоклийский Каллист, который, не будучи в формальном смысле слова ректором учебного заведения, сумел за тридцать лет преподавания в Оксфорде создать свою школу, выпускниками которой являются многие современные православные богословы.

4. Высшим органом управления в таких школах, как Нисибийская, было общее собрание учащихся и учащихся. Не следует ли возродить эту традицию? Не стоит ли подумать о том, чтобы именно в компетенцию общего собрания передать ключевые вопросы академической жизни?

5. Не следует ли такие вопросы дисциплинарного характера, как исключение учащихся из школы, сделать прерогативой общего собрания? Это во всяком случае избавит духовные школы от произвола членов администрации, которые лишатся возможности выносить свой суд над учащимся «келейно» под влиянием личных симпатий или антипатий (при нынешней системе ни одна духовная школа от этого не застрахована).

6. Не следует ли сделать должности лиц, ответственных за дисциплину в школе (инспекторов, помощников инспекторов и пр.), выборными, с тем чтобы в выборах участвовали и преподаватели, и студенты? Это существенным образом повысит уровень доверия учащихся к инспекции.

7. Обращаясь к опыту огласительных училищ эллинистического мира (в частности, Александрийского училища времен Климента), не стоит ли нам подумать о том, чтобы от фрагментации богословского курса, т. е. деления его на многочисленные «дисциплины», такие как догматическое, нравствен-

ное, систематическое, литургическое богословие, постепенно переходить к его интеграции? Не следует ли, например, связать воедино догматическое и литургическое богословие и изучать догматы на материале богослужебных текстов? По крайней мере, мы могли бы разработать такую систему преподавания богословия, при которой курсы богословских наук были бы взаимосвязанными и взаимодополняющими (при нынешней системе эти курсы иногда дублируют друг друга [80], иногда же не имеют между собой никакой связи).

8. Опыт древнехристианских дидаскалов может научить нас тому, как воспитать у учащихся навыки самостоятельной работы (Ориген, в частности, приучал своих слушателей не только ставить вопросы, но и самим находить на них ответы). Не следует ли нам продумать такую академическую систему, при которой упор делался бы не на усвоение учащимися некоей суммы богословских, церковно-исторических и иных сведений, но на развитие у студентов вкуса к самостоятельному изучению предмета? Не следует ли сократить лекционный курс, высвободив время для самостоятельных занятий? Не стоит ли разработать новую концепцию лекции, которая стала бы лишь введением в проблематику и библиографию вопроса, а ответ на вопрос студенты искали бы самостоятельно?

9. Во всех школах древнехристианского Востока важное место занимало изучение философских дисциплин. Уделяем ли мы сегодня достаточное внимание таким предметам, как логика или диалектика, изучаем ли произведения античных (и не только античных) философов, заботимся ли о том, чтобы привить учащимся навыки диалектического мышления? Наверное, необходимо думать о том, как существенным образом повысить уровень философской подготовки наших студентов.

10. Раннехристианские школы были не только научно-богословскими центрами, но и центрами духовного воспитания юношества. Богословские школы формировали молодого христианина, закладывали в нем основы подлинной церковности, истинно-христианского благочестия. Можем ли мы похвалиться тем, что из стен наших богословских школ люди выходят более преданными Церкви, более духовно зрелыми, чем когда они туда поступали? И если нет, не следует ли нам серьезно подумать о тех изъянах, которые у нас в этом плане существуют, и постараться их исправить?

Многие из поставленных мною вопросов могут показаться наивными, многие из предложенных изменений — заведомо невыполнимыми. В самом деле, можно ли представить, чтобы в наших духовных школах инспектор не назначался бы сверху, а избирался учащимися? Но ведь было же время, когда все это оказывалось возможным!

Скажу еще раз: думая о реформе духовных школ, мы не должны останавливаться на изменении форм. Надо идти дальше и кардинальным образом менять структуру управления, содержание учебных программ, весь подход к учебному процессу. И в этом нам может оказать немалую помощь опыт духовных школ раннехристианского Востока.

[*] Доклад на консультации православных богословских школ в Санкт-Петербургской духовной академии, 20—26 января 1999 г. Опубликовано в журналах «Христианское чтение» № 18, 1999; «Церковь и время» № 2 (9), 1999.

[1] Полностью напечатан в Вестнике РХД № 177. Париж — Нью-Йорк — Москва, 1998. С. 39—82.

[2] Русская мысль № 4248. Париж, 3 декабря 1998 г.

[3] Ср. *Протоиерей Георгий Флоровский*. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 51.

[4] Лк. 16:8; Ин. 12:36.

[5] Обращение ἡ ἀββίq, ἡ ἀββοῦνq, διδασκαλε в разговорном греческом койне относилось к духовным учителям и наставникам вообще; то же следует отметить и для слов μαθηταίq, ἀσκολοῦεῖν. См. Theological Dictionary of the New Testament. Vol. II. Michigan, 1964. P. 154.

[6] Слова Иоанна Крестителя (Мф. 3:11) имели очень конкретный смысл: Иоанн говорил о том, что он недостойн быть даже *учеником* Мессии.

[7] Ср. Мк. 1:3 («Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему»); Мф. 21:8 («Множество же народа постлало свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постлало по дороге»).

[8] См. Ефес. 4:11: «И Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями (didaskaloi)».

[9] См. Словарь библейского богословия. Под редакцией К. Леон-Дюфура и др. Брюссель, 1990. С. 1194—1196.

[10] *Протопресвитер Николай Афанасьев*. Церковь Духа Святого. Париж, 1971. С. 136.

[11] Ср. настенные изображения в римских катакомбах конца I — начала II

ВВ.

[12] Ср. I послание св. Климента Римского.

[13] Существует гипотеза (основанная на свидетельстве историка V века Феодора Чтеца: см. *Theodoros Anagnostes*. Kirchengeschichte. Berlin, 1971. S. 160), согласно которой одним из ректоров Александрийского училища был Афинагор Афинский (II в.). Знаменитое «Прошение о христианах» Афинагора является опытом библейского богословия, будучи вместе с тем одним из наиболее ранних трудов по осмыслению христианской догматики: автор раскрывает учение Церкви по таким вопросам, как домостроительство воплотившегося Логоса, сотворение мира и человека, антропология, ангелология, экклезиология и сакраментология. В «Прошении» очевиден глубокий подход к проблемам христианской аскетики и нравственности: Афинагор выступает против аборт, поощряет девство, говорит о причинах стойкости христиан перед лицом гонений. Его стиль и манера изложения свидетельствуют о положительном отношении к эллинистической культуре: в тексте встречаются поговорки из «Илиады», цитируются «Одиссея», Гесиод, орфическая поэзия, Эсхил, псевдо-Софокл, Пиндар и Еврипид, автор знаком с герметической литературой, греческой историографией и, конечно же, античной философией. Доктрина этого апологета представляет собой интересный опыт адаптации достижений среднего платонизма к нуждам христианского богословия. Если Афинагор действительно был предшественником Пантена и Климента на посту ректора Александрийского училища, то именно ему, а не им может принадлежать основная роль в превращении этого училища в «христианский университет».

[14] Строматы 1, 9. Здесь и далее «Строматы» Климента Александрийского цитируются (с незначительными изменениями) по изданию: Отцы и учителя Церкви III века. Антология. Составление, биографические и библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). Т. I. М., 1996. Сс. 30—299.

[15] Строматы 1, 5.

[16] Строматы 6, 10.

[17] Строматы 1, 2.

[18] Строматы 1, 5.

[19] Строматы 1, 5.

[20] Строматы 1, 2.

[21] Строматы 1, 5.

[22] Строматы 1, 7.

[23] Строматы 6, 7.

[24] Глава 22 книги 1-й «Стромат» посвящена этой теме.

[25] См. Строматы 1, 23—24.

[26] Строматы 1, 25.

[27] Строматы 1, 26—28.

[28] См. Строматы 2, 16, и др.

[29] Строматы 7, 2.

[30] Строматы 6, 6.

[31] См. Строматы 7, 17.

[32] Строматы 7, 10.

[33] Строматы 1, 6.

[34] Осуждение отдельных ошибочных мнений Оригена на V Вселенском Соборе не снижает его выдающейся роли в деле развития христианского богословия и духовного образования.

[35] *Священномученик Григорий Неокесарийский*. Благодарственная речь Оригену, 109—114. С. 179. Здесь и далее «Благодарственная речь» св. Григория цитируется (с незначительными изменениями) по изданию: *Отцы и учителя Церкви III века. Антология. Составление, биографические и библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева)*. Т. II. М., 1996. Сс. 165—191.

[36] Весьма важная деталь: Ориген считал допустимым знакомиться с какой угодно литературой, кроме атеистической, которая «оскверняет душу».

[37] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 151—153. С. 184.

[38] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 158. С. 185.

[39] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 170—173. С. 186—187.

[40] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 102. С. 178.

[41] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 174—181. С. 187—188.

[42] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 96—98. С. 177.

- [43] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 95—96. С. 177.
- [44] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 81—82. С. 175.
- [45] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 81. С. 175.
- [46] *Св. Григорий*. Благодарственная речь, 83. С. 175.
- [47] *Протоиерей Георгий Флоровский*. Восточные Отцы IV века. Париж, 1937. С. 227.
- [48] Свидетельство принадлежит Бархадбешаббе (VI—VII вв.). Цит. по: *В. Пигулевская*. Культура сирийцев в Средние века. М., 1979. С. 64.
- [49] Цит. по: *D. Miller*. Epilogue to: *Isaac the Syrian*. Ascetical Homilies. Massachusetts, 1984. P. 503.
- [50] См. *В. Пигулевская*. Культура сирийцев. С. 70 и 102.
- [51] *A. Voobus*. History of Asceticism in the Syrian Orient. Т. II. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium 197 (Subsidia, 17). Louvain, 1960. P. 412—413.
- [52] Отмечу, что в разные времена численность учащихся в Нисибийской академии достигала 800—1000 человек.
- [53] Вышеприведенные сведения заимствованы главным образом из книг: *В. Пигулевская*. Культура сирийцев. С. 57—89; *A. Voobus*. History of the School of Nisibis. Louvain, 1965.
- [54] Правила I, предисловие. Здесь и далее обе серии Правил (Правила I и II) цитируются по переводу В. Пигулевской. См. *В. Пигулевская*. Культура сирийцев. С. 90—106. Текст правил опубликован в книге: *The Statutes of the School of Nisibis*, edited, translated and furnished with a commentary by Arthur Voobus. — Papers of the Estonian Theological Society in Exile 12. Uppsala, 1961. P. 51—105.
- [55] Правила I, предисловие.
- [56] Правила I, 1.
- [57] Правила I, 2.
- [58] Правила I, 3.
- [59] Правила I, 18.
- [60] Правила I, 19.

[61] Правила I, 4.

[62] Правила I, 5.

[63] Правила I, 14.

[64] Правила I, 14.

[65] Правила I, 8.

[66] Правила I, 16.

[67] Правила I, 13.

[68] Правила I, 20.

[69] Правила I, 22.

[70] Правила II, 3.

[71] Правила II, 1.

[72] Правила II, 2 и II, 4.

[73] Правила II, 5.

[74] Правила II, 10.

[75] Правила II, 19. Это Правило свидетельствует о том, что при школе существовало нечто вроде медицинского факультета.

[76] Правила II, 21.

[77] Правила II, 16.

[78] Правила II, 18.

[79] Правила II, 17.

[80] Так например, латинский догмат о Filioque изучается в курсах догматического богословия, сравнительного богословия, истории западных исповеданий и т. д.

© Епископ
Иларион
(Алфеев)

Биография•Библиография•Книги•Переводы•Статьи,
доклады•Катехизические материалы
Интервью•Рецензии•Аудио и видео
материалы•Новости•Фотографии•Разное•Гостевая книга

[вверх](#)